

ГЛАВА 1

Визг шин. Скрип тормозов. Запах бензина и кожаного салона. На секунду все внутри замирает, переживая этот момент, а потом тело атакуют мелкие осколки. Они повсюду. Путаются в волосах, впиваются в кожу, застревают в одежде. Взгляд выделяет отдельные детали: бурое расплзающееся пятно на синей блузке в районе живота, три осколка в костяшке указательного пальца правой руки, сломанные ногти...

Все в багровых и почему-то серых всполохах. Во рту металлический привкус крови, и это как-то связано с пятном на блузке. Нужно спросить у мамы... Конечно, она знает ответ на любой вопрос, это же мама. С усилием приподнимая голову, чувствуя, как по щеке осыпалась пара осколков, черкнув по царапинам, встречаюсь с...

Раскрыв глаза, я судорожно вздохнула, упираясь затылком в холодное мокрое стекло автобуса. Снова. Худший день моей жизни снился вновь. Это было похоже на кошки-мышки. Только я думала, что спряталась от него за делами, посторонними мыслями и музыкой, как он настигал меня в кошмарах.

Поняв, что не слышу привычного рока, сразу же нашла причину, по которой кошмар поймал меня сейчас. Плеер разрядился. Отстой.

Выпрямившись на сиденье и осмотревшись вокруг, я поняла, что ничего кардинально не поменялось. Впереди две молодые мамы, укачивающие своих детей, первые минуты поездки здорово доставших остальных пассажиров своими криками. Через ряд пожилая пара с объемными сумками, несколько подростков в середине, переговаривающихся на одном им понятном языке, дальше парень в кожанке и тяжелых ботинках, по другой стороне три женщины, и рядом со мной зрелый мужчина в охотничьей экипировке разных оттенков зеленого цвета и с рюкзаком на шнуровке.

За окном тоже перемен не наблюдалось. Крупные капли дождя разбивались о стекло с такой силой, словно хотели пробить его насквозь. Над полем, мимо которого мы проезжали, сверкнула ветвистая молния. Чудесная погода, что еще сказать.

— Простите, до Вэндскопа еще далеко? — все же решила я поинтересоваться у своего соседа.

— Минут сорок, девочка, — чуть улыбнулся он, отчего сразу же стал приятней на вид.

Девочка... Больше так меня никто не звал. Некому было называть.

— Спасибо, — хмуро поблагодарила я и отвернулась к окну, вставив бесполезные сейчас наушники обратно в уши. Пусть все думают, что слушаю музыку. Их видимость обычно помогает избежать надоедливых глупых вопросов или просьб.

Итого до официального начала новой жизни сорок минут.

Когда два месяца назад автомобильная катастрофа унесла жизни моей матери и отчима и лишила всего, что я ценила, судьба снова привела меня в Вэндскоп — родной город моего отца, Альберта Фокса. Мне не было и пяти, когда он утонул, и я мало что помнила о нем, тем более о его младшем брате Рике, с которым мне и предстояло жить, как с единственным оставшимся родственником.

Мы с Мари, моей мамой, переехали сразу после похорон и не поддерживали связь с Риком. Осталась лишь пара фотографий и крохи из рассказов матери. И вот я практически на пороге совместного проживания с незнакомым человеком. Что ж, если он деспот старой закалки, продержусь до восемнадцати, окончу школу и уеду. Хотя на самом деле, даже если он душа компании, план не менялся. Не собиралась я прозябать в таком забытом богом месте, как Вэндскоп.

Автобус затормозил, и я заморгала, выныривая из собственных мыслей.

— Вэндскоп, — подсказал мне сосед, и я, пробормотав слова благодарности, подхватила свою сумку, стремительно направившись на выход.

Так непривычно. Идти куда-то одной, без сопровождения. Обычно меня всегда окружало четверо... Я быстро оборвала эту мысль, зная, что ни к чему хорошему она не приведет.

Из всего автобуса я оказалась единственной, кто выходил здесь. Неутешительно.

Спрыгнув с последней ступеньки под дождь, завертела головой в поисках Рика. За спиной с шипением закрылись двери ав-

тобуса, и желтое недоразумение на колесах исчезло за поворотом, оставляя за собой вонючий дым. Впрочем, дождь тут же поглотил его, а я вернулась к осмотру окрестностей.

Обшарпанная остановка, за которой пролегла лента дороги, исчезающей где-то среди леса и, надо полагать, ведущей к самому городку, фонарные столбы...

— Виктория?

Я обернулась на свое имя и оказалась лицом к лицу с высоким темноволосым мужчиной лет тридцати пяти, облаченным в простой спортивный костюм.

— Дядя? — неуверенно попробовала я слово на вкус.

— Зови меня просто Риком, — отмахнулся он, указывая на свою машину, синий грузовик, плящущийся на меня желтыми фарами.

О нет. Только не машина... С другой стороны, чего я ждала? Самолета, что ли?

— Меня Ри, — сдавленно подсказала я свое привычное сокращение от имени, медленно подходя к транспортному средству. — Можно открыть окно? Я... э... с недавних пор некомфортно чувствую себя в машинах.

— Конечно, — тут же разрешил Рик, уже забросив мой компактный чемоданчик в багажник.

Осторожно открыв дверцу, я залезла на переднее сиденье, уйдя из-под обстрела дождя, перерастающего в настоящий ливень. В салоне пахло чипсами с беконом и чем-то вроде лосьона для бритья. Гремучая смесь.

— Как доехала? — спросил дядя, занимая место водителя.

— По ухабам, в дождь, под двухчасовые крики детей и спор бабуль об овощах, — озвучила я свое впечатление от поездки, скрипя ручкой, открывающей окно. Попробуем проветрить помещение, а заодно защитит желудок от расставания с завтраком.

— Брось, все не могло быть настолько плохо, — усмехнулся Рик, и это мне понравилось. Зачеркиваем опасение о «старой закатке».

— Верно. Потом я вспомнила, что у меня с собой плеер. Правда, на второй остановке в автобус сел мужчина «в теле» с гамбургером и банкой пива, а носовые затычки я что-то как-то подзабыла. — Я говорила скорее для того, чтобы отвлечься от давящего чувства и зарождающейся тошноты, чем поддержать беседу, но Рик у этого знать незачем. Потерплю, не неженка, в конце концов.

— Оу, не свезло, — сочувствующе поцокал он языком, вырывая на дорогу. — Все твои вещи доставили еще вчера утром. Мебель я собрал, правда, не передвигал, дизайнер из меня, прямо скажем, никудышный...

— Все в порядке, я сама все расставлю, — остановила я его, обрадованная уже тем, что хотя бы орудовать отверткой и молотком не придется. — А со школой...

— Записал тебя, занятия с понедельника, начало уроков в восемь. Старая добрая школа Вэндскопа. Нам с твоими родителями удалось в ней выжить, правда, Альберт как-то едва не взорвал кабинет химии, но Мари всегда умела предугадывать его намерения...

— О да, это мама может, — кивнула я, погрузнев. — Могла, я хотела сказать.

— Извини, — здорово сконфузился Рик. Черт.

— Да нет, ничего. Все в порядке, — быстро отозвалась я, пока дядя не решил, что нужно обдумывать каждое слово из-за моей якобы ранимости. Я за естественное общение. — А где мы будем жить?

Я посмотрела на Рика, изучая его профиль. Сейчас, в свете тусклых лампочек, на его коже был заметен загар. Это позволило надеяться на то, что дожди здесь не так уж и часто. Просто мне не повезло. Мне вообще в последнее время не везет.

Виски Фокса чуть серебрила седина, наверное, годам к сорока не останется ни одного темного волоса, если, конечно, он не воспользуется краской для волос. Что-то подсказывало, что Рик не из тех, кому важен внешний вид, хотя и неряхой на первый взгляд не назовешь. Гладко выбритый подбородок, чистые руки, никакой грязи под аккуратными ногтями, не маникюр, но и на обкромсанный кое-как кошмар не походит. Голубые глаза внимательно смотрят на дорогу, чувствуется, что они одинаково хорошо способны передавать и злость, и веселье.

— В старом доме твоих родителей, за все эти годы превратившемся в мою холостяцкую берлогу, — подмигнул он мне, но тут же переключился на дорогу.

Я оценила эту попытку пощутить. Уважаю тех, кто не тушует после первого прокола и быстро возвращается на свою планку. Такие добиваются всего. Яркий пример из прошлого был удачно вытеснен на задворки сознания.

— А вот и моя заправка, — прервал воцарившееся молчание Рик, пока я судорожно считала вдохи и выдохи, глотая свежий воздух, пропитанный дождем и лесом. — С тобой точно все в по-

рядке? Может, остановиться здесь? — Он встревоженно посмотрел на меня, заметив, как я вжалась в дверцу настолько близко к открытому окну, насколько это было возможно.

— Нет-нет, — помотала я головой. — Просто... — Оборвавшись, не зная, что тут было «просто», посмотрела на пронесшуюся мимо хорошо освещенную площадку, включающую в себя автозаправку и маленькую придорожную кафешку. — Прибыльный бизнес?

Смена темы. Вот что всегда выручает в таких ситуациях. Как всегда, прием сработал безотказно. Мамина школа.

— Для такого маленького городка, как Вэндскоп, даже очень неплох, — охотно ответил Рик, попадаясь на мою уловку. — Правда, приходится вкалывать и еще раз вкалывать, но ничего не поделаешь.

— Много работаете... работаешь? — мигом поправилась я, подставляя лицо ветру.

— Сутки через сутки, так что в собственном доме я несчастный гость... Скоро сама увидишь... — чуть поморщился этот холостяк-трудоголик, давая понять, что мое будущее место обитания не очень-то обжито.

Мы проехали мимо щита, оповещающего о пересечении черты Вэндскопа, и почти сразу же я увидела расположенный в низине городок, окруженный лесом. Живописно. Удаленно. Госка, во всех смыслах, зеленая.

— Конечная остановка, — оповестил Рик, все еще настороженно на меня посматривая. Возможно, боялся, что я хлопнусь в обморок или блевану.

Скорее уж второе, честно говоря. Обмороки были мне не свойственны, хотя моментов в жизни было много, чтобы в них повалиться. Взять хотя бы охоту на... И снова мне пришлось стиснуть зубы и перекрыть кран прошлого еще туже, пока оттуда что-нибудь не вырвалось с противным хлопаньем.

Я узнала дом, во дворе которого часто играла в детстве. Самая окраина города. Три шага — и лес. Кажется, он стал еще гуще, чем раньше. Или же виной всему смазанные детские воспоминания.

Старый двухэтажный скрипун совсем не изменился. Даже фонарь в железном абажуре над верандой и фиалковые занавески на окнах те же, только каштан заметно подрос, возвышаясь над гаражом, но все же не дотягиваясь до угловой комнаты, моей бывшей детской.

Практически на космической скорости выскочив из маши-

ны, я потянулась, убеждая тело, что оно больше не заперто в четырех стенах на колесах и тошноте пора бы уняться. Несмотря на дождь, заходить в дом я не спешила.

По спине побежали мурашки, легкий ветерок, не имеющий никакого отношения к непогоде, зарылся в волосы, скользнул по лицу и шее, и сердце болезненно сжалось.

Как я смогу быть так близко к природе и не замечать ее призыва? Глупости. Я отказалась от той жизни, так неужели мне будет трудно игнорировать нечто столь незначительное?

— Виктория, не мокни под дождем, заболеешь! Лучше возьми-ка свой чемодан и быстрее в дом. — Рик протянул мне мои пожитки, и я крепко сжала ручку клетчатого чемоданчика на колесах.

— Ри, — напомнила я, недовольно скривившись на полное имя. Какое-то оно слишком... торжественное? Больше подходит кому-то великому и властному или имеющему высокий ранг. Первое никогда ко мне не относилось, а второе уже в прошлом.

Поднявшись на пять ступеней до двери, дядя достал из кармана ветровки связку ключей, и вскоре мы уже стояли в небольшой прихожей. Основательно примятый коричневый коврик у порога, столик для ключей и разной мелочи, вешалка с загнутыми крючками и старая прячущаяся в углу за дверью подставка для зонтиков. Кажется, в детстве я упорно думала, что это железная ваза.

— Да-да... Извини, что вот так вот оставляю, но мне сегодня нужно на работу... Запасной ключ от дома на каминной полке в гостиной, деньги на мелкие расходы в банке, вот она, кстати. — Рик указал на большую пластмассовую желто-красную посудину из-под какао, стоящую на столике под зеркалом. — Твоя комната та же, надеюсь, не против?

— Все нормально, — покачала я головой, даже довольная тем, что буду разбирать вещи в одиночестве, без необходимости поддерживать беседу. После смерти мамы у меня некоторые трудности с продолжительным общением с кем бы то ни было.

Рик чуть расслабился, оставил телефон, по которому до него можно дозвониться, «если что», и уехал. Похоже, ему было уютно рядом со мной. Что ж, в этом мы схожи.

— Дом, милый дом, — пробормотала я, поднимаясь по лестнице, покрытой грязной, местами истертой ковровой дорожкой.

И снова чувство пустоты, прошившее меня в автобусе. Мне не нужны разговоры, но я слишком привыкла к их молчаливому присутствию, отвыкнуть от которого так скоро — невозможно.

Даже если это необходимо в целях сохранения душевного равновесия. Ничего. Просто нужно время, чтобы все ранее привычное потускнело. Надеюсь, когда это случится, во мне освободится место для чего-то нового и яркого.

Остановившись перед знакомой дверью, ведущей в мою детскую, нерешительно переступила с ноги на ногу. Светло-коричневая дверь с круглой резной ручкой напоминала о маминих сказках на ночь и включенном ночнике, отбрасывающем на стены тени разных волшебных существ. Она всегда была чем-то вроде входа в мое убежище, преградой, за которой в детстве я пряталась от разных воображаемых чудовищ. Ну да, воображаемых.

Глубоко вздохнув, словно собираясь броситься в омут с головой, толкнула дверь от себя. Первое, что привлекло внимание: ряд картонных коробок у стены, ожидающих распаковки. Вот и занятие на весь оставшийся день.

Вся мебель: шкаф, письменный стол, стул, кровать, любимое кресло-качалка, светильник с разноцветным абажуром, мягкий ковер — была привезена из нашего с мамой и Льюисом дома и уже стояла собранной и требующей основательной перестановки.

Покачав головой, я стянула ветровку, засучила рукава рубашки и, достав из рюкзака плеер, поставила его заряжаться, а сама принялась за работу, чуть слышно напевая любимые мотивы.

Сначала переместила кровать с синим матрасом к стене и раскатала ковер в разноцветных ромбах, потом, упираясь изо всех сил, миллиметр за миллиметром, передвинула пустой шкаф. Оценив оставшиеся голые места, поставила по тумбочке по бокам от кровати, а письменный стол и стул напротив. Последним штрихом стали кресло-качалка у окна и светильник, водруженный мною на тумбочку справа.

К разбору коробок я приступила только через час, потребовавшийся на уборку смежной ванны и помывку окон, пыль на которых, казалось, копилась не одно столетие.

Пропылесосив комнату и отнеся шумную технику на место в узенькую кладовку, забитую зимней верхней одеждой и коробками с игрушками для рождественской елки, я обессиленно рухнула на голый матрас. Интересно, первыми отвалятся руки или ноги?

Спустя десять минут разглядывания белого потолка и голубых обоев с синими узорами я переместилась на пол и пододвинула к себе первую коробку. В ней оказалась малая часть моей личной разношерстной библиотеки, только самые любимые не-

однократно перечитываемые книги. Благо Рик прибил полки, которые я и заставила своим чтивом сообразно по авторам и сериям.

Закончив с этим, почувствовала себя на финишной прямой, но радость была недолгой. Вторая коробка, доверху забитая одеждой, как и два чемодана, на корню срезала весь оптимизм нудностью сортирования. Вытряхнув все тряпки на постель, я обнаружила на дне пару дюжин вешалок. Началась самая неприятная часть работы. Лучше уж еще раз вымыть весь дом снизу доверху, чем ломать голову над тем, что куда повесить, в каком порядке и с какой классификацией.

Конечно же спортивный стиль был приоритетом, поэтому все джинсы, ветровки, майки, футболки, топы и шорты разместились на наиболее выгодных позициях. Все яркое и радостное я автоматически задвинула в глубь шкафа, не желая смотреть на это буйство красок и тканей. Туда же отправились юбки и платья, носить которые я больше не собиралась, но выбросить не поднялась рука, ведь многие из них были куплены вместе с мамой или подарены ею.

Разобравшись со всей одеждой, я добралась до последней коробки, забитой личными вещами: украшениями, парой мягких игрушек, свечами, личными дневниками и тетрадями, различными безделушками, струнами и медиаторами...

Кстати о птичках. Оглядевшись, я с облегчением нашла за дверью свою целую, не пострадавшую за переезд акустику. Эта гитара была практически моей ровесницей, и лет с семи Мари обучала меня игре на ней.

Расставив все до последнего подсвечника, я застелила постель, набросила сверху песочного цвета плед и разобрала рюкзак. Ноутбук, косметичка, новенький телефон с пустым списком контактов (звонить в моей новой жизни пока было некому), еще одни наушники, документы — в общем, жизненно необходимые в современном мире вещи.

— Аллилуйя, Пухлик, — сказала я, обращаясь к плюшевому белому медведю, посаженному на подушку. — Ри Брендон с заданием справилась.

Не найдя, чем еще заняться, я присела на холодный, несколько узкий для меня подоконник. На улице давно стемнело, продолжал моросить дождь, успокаивая легким стуком по крыше, и ветер игрался широкими листьями каштана напротив. В свете уличного фонаря было видно, как один из них, оторвавшись от ветки, закружился в очередном порыве, а потом мокрой зеленой

ладошкой прилип к окну чуть выше моей головы. Прижавшись лбом к стеклу, я закрыла глаза. Вот тебе и «добро пожаловать».

Как всегда, в минуту бездействия накатили воспоминания. Вспышками засверкали моменты прежней жизни, люди, от которых я отказалась и которых покинула, секунды счастья, потонувшие в одном жарком августовском дне, хриплые вздохи Мари, запах жженой резины, скрежет металла и алые пузырьки, вылетающие изо рта Льюиса...

Хватит. Я не буду об этом думать, все равно ничего не изменится. Это просто бесполезно.

Глухая боль где-то в груди напомнила, что на нее не действуют никакие аргументы или угрозы. Она просто есть, и остается только смириться.

За последние два месяца я перепробовала все: слезы, гнев, молитвы, равнодушие... Но ничего не помогало, поэтому пришлось учиться привыкать. Единственное, что отгоняло чувство потери, — тяжелый физический труд.

Резко вскочив, тряхнула головой и случайно поймала свое отражение в зеркале на двери. Темные волосы, заплетенные в некогда аккуратную косу, растрепались и торчали во все стороны словно наэлектризованные, зеленые, по определению мамы — цвета молодой листвы, глаза были слишком тусклыми даже в моем понимании. Может, виной всему бессонница, а может, темные круги. В любом случае я была рада уже тому, что с век спали опухоль и покраснение — результаты моих бесполезных рыданий.

Продолжая изучать себя, придирчиво осмотрела губы, распухшие от прикусываний — нервной вредной привычки, появившейся совсем недавно; остро обозначившиеся скулы и мертво-бледную кожу.

Я не узнавала девушку в отражении, мне не верилось, что она умеет улыбаться. Какое-то унылое подобие, намек на кого-то, кто был прежде. Тень меня.

Моргнув, сделала музыку (дав плееру час на зарядку, я снова приступила к его эксплуатации) погромче, собрала все коробки и отнесла их в подвал. Подвал, к слову, походил на огромный склад ненужных вещей, выкинуть которые рука не поднимается. Два стеллажа с какими-то коробками и банками, старый телевизор с выпуклым экраном, пыльные чехлы с чем-то, напоминающим костюмы на Хеллоуин... Мусорка воспоминаний, не иначе. Все время, пока я копошилась с коробками, дом казался

угрюмым и холодным, будто недовольным, что его оцепенение нарушено. Похоже, ему, как и мне, требовалась встряска.

По пути назад заглянула на кухню, да так и осталась стоять в проеме. Невероятно, у Рика что, аллергия на чистоту?

Кроме пыли, забрызганных жиром желто-оранжевых стен (явно неудачные попытки что-то пожарить), грязного коричневого кафеля на полу и различных пятен на столе в раковине возвышалась гора немытой посуды, включая две сковороды, пахнущие гарью. Очевидно, что кулинар из дяди никакой.

Замечательно. Видимо, уборка здесь проводится только по особым числам лунного календаря в високосный год.

Практически со страхом я подошла к старенькому, издающему странное жужжание холодильнику, опасаясь увидеть там повесившуюся мышь. Обошлось. Всего лишь сиротливо лежащий на верхней полке сыр, пара банок пива и питьевой йогурт, который, исходя из указанного срока годности, нужно было выбросить еще месяц назад.

Отыскав в этой зоне антисанитарии хлеб и после тщательного осмотра признав его съедобным, я сделала себе два бутерброда с сыром. Потом, порывшись по кухонным шкафам, нашла пакетик чипсов и шоколадный батончик.

Моя скудная трапеза прошла в гостиной, которой также требовалась уборка. Сидя на мягком, чуть продавленном коричневом диване, я рассматривала фотографии в рамках, оставшиеся на тех же местах, что и до нашего с мамой отъезда.

На них были запечатлены все шесть лет, которые мы провели семьей. Счастливые улыбки Мари и Альберта казались насмешкой, и выдержка начала давать сбой. Быстро дожевав остатки ужина, вернулась на кухню и взялась за посуду, решив покончить хотя бы с ней.

К десяти часам вечера тело заявило, что не собирается шевельнуть и пальцем. Гордо оглядывая проделанную работу, я тем не менее не собиралась пока отдыхать. Было еще одно важное дело, не терпящее отлагательств.

Накинув куртку (все-таки октябрь) и удостоверившись, что дождь прекратился, я вышла на улицу. В воздухе пахло свежестью и осенью, но было слишком холодно для того, чтобы стоять на месте и наслаждаться ароматами.

Усилием воли отметя от себя образ кружки горячего шоколада с корицей и теплой мягкой постели, я достала из заднего кармана джинсов серый мел, завернутый в фольгу, — единствен-

ный атрибут, который я взяла, несмотря на отречение от всего другого.

— Безопасность прежде всего, — пробубнила я под нос, стараясь убедить себя, что не нарушаю себе же данного обещания. А заодно в том, что не сказала фразы, так часто повторяемой мне моим прежним близким окружением.

Я присела перед ветхими на вид порожками на корточках, начертила круг и несколько пересекающихся в нем линий на внутренней стороне деревянных перил. Закончив с этим, проверила, видно ли со стороны хотя бы черточку, а затем приступила к обходу дома по часовой стрелке, оставляя свою «наскальную живопись» под подоконниками и у задней двери.

Стуча зубами от холода, завершила последнюю линию и забежала в дом. Обойдя каждую комнату и осмотрев все окна первого этажа, перешла на второй. На полминуты мне пришлось зайти в комнату Рика. За такой короткий срок я обработала его окно и ванную и с чувством выполненного долга вернулась к себе.

После всех сегодняшних дел настоящим блаженством было скинуть кеды и повалиться на кровать. Единственный минус — мысли не дают покоя. Вот и теперь я снова подумала о том, правильно ли поступила, уйдя. Переезд сюда либо большая ошибка, либо начало нового пути. Ирония заключалась в том, что я сама не знала, какой бы вариант предпочла.

ГЛАВА 2

Утро субботы выдалось солнечным и совсем не по-осеннему теплым. Тоненькие лучики света, нахально пробившиеся через зазор между занавесками, так и побуждали встать и пойти на прогулку.

Я считала это хорошей идеей до тех пор, пока не повернулась в кровати и не почувствовала, как ноет каждая клеточка тела после вчерашних подвигов. «Вот тебе и убралась», — мрачно подумала я, стараясь не обращать внимания на обжигающую боль в спине, не имеющую никакого отношения к уборке.

Поболит и перестанет, не в первый раз.

Кроме того, частичке меня, все еще цепляющейся за призраки прошлого, было стыдно. Очень стыдно за то, что какая-то уборка, пусть и практически генеральная и проходившая в двухэтажном доме, не встречавшемся с половой тряпкой порядком

одиннадцати лет, так меня измотала. Это позор, учитывая, что всего несколько месяцев назад я могла отчистить десяток таких домов и глазом не моргнуть. Ну да, уборка домов, как же.

После пяти минут уговоров самой себя окончательно проснувшись я отскреблась от кровати и пошла в ванну. Вид был еще тот. Моему бледному лицу с черными мешками под глазами из-за очередной бессонной ночи не помогли ни умывание, ни косметика. Эффект жути, конечно, исчез, но выглядела все равно как привидение.

Одевшись и причесавшись, я, захватив плеер, спустилась вниз. На кухне ждал сюрприз в лице Рика, читающего газету за столом.

— Доброе утро, — привлекла я его внимание.

— Доброе, — хмыкнул он, осматривая меня с ног до головы. — Неплохо вчера потрудились.

Неплохо? Да такого порядка в этом доме не было с тех пор, как отсюда уехала мама!

На языке вертелась пара острых ответов, но в последний момент я сдержалась:

— Старалась.

Я поставила на плиту чайник и полезла за кружкой, когда Рик заговорил:

— Слушай... — Тон его голоса заставил меня повернуться, так и не дотянувшись до дверцы шкафчика. Похоже, дядя нервничал. По крайней мере, он уже трижды потер указательным пальцем бровь, собираясь с духом что-то сказать. Выглядело мило.

— Да? — Я настороженно изучала выражение его лица, стараясь понять, о чем пойдет речь.

— Мне... В общем, — он откашлялся, — не умею я заводить все эти разговоры... Я бы хотел, чтобы у нас были нормальные отношения. Ну, знаешь, без всяких неловких моментов... Я понимаю, что я тебе не родитель, но и грозным опекуном выглядеть тоже не хочется... Считаю меня старшим ответственным за тебя другом.

Интересненькое дельце получается. Бедняга Рик. У него никогда не было детей, а тут в дом, нарушая его привычный уклад жизни, въезжает семнадцатилетняя девушка. Наверное, он совершенно не знает, как себя вести. Будь я парнем, все было бы проще, а так у нас даже тем для разговора общих нет.

— Конечно, давай будем дружить, — согласилась я.

Он улыбнулся и словно сразу помолодел, напомнив мне отца на фотографии в гостиной.

Я заварила нам чай и достала коробку печенья, помня, что холодильник здесь — не более чем предмет интерьера.

— Слушай, как ты тут выжил?

— Я не ем дома. Либо ужинаю в ресторанчике на другом конце города, либо перекусываю в кафе на автозаправке.

— Вот я и удивляюсь, как ты выжил... — пробурчала я, вызвав хриплый смех.

— А почему ты не в школе? — вдруг спросил Рик, нахмурившись.

— Потому что сегодня суббота, и ты сейчас смотришь на прошлогодний календарь, — махнула я на посеревшее изображение леса возле крючков для полотенец и фартуков.

— А, точно, — смутился дядя. — Так чем планируешь заняться?

— Думаю прогуляться по городу, посмотреть что здесь и как. Купить продукты и новый календарь. — На улыбку мне потребовалось практически титаническое усилие.

Наверное, я была первым человеком в истории, у кого атрофировались губы. Улыбки у меня не получилось, сама почувствовала, что способна растянуть губы только на едва заметную ухмылку. Уже что-то.

— Хорошо. Ты умеешь готовить?

Нет, что ты. Просто мне нравится тратить деньги на еду.

— Да, мама и ее... подруги научили меня, — протянула, думая, как задать интересующий меня вопрос.

Мы несколько минут помолчали, жуя выпечку и глядя в окно. Рик, казалось, тоже хочет что-то спросить, и несколько раз я замечала, как он открывал рот, но тут же надкусывал печенье или отхлебывал чай. Интересно, папа был таким же нерешительным (я плохо его помню) или Рик просто сконфужен присутствием несовершеннолетней племянницы в своем доме?

— Слушай, я понимаю, все это непривычно и поначалу будет трудно... Предлагаю придумать какие-то правила. Что-то вроде перед входом друг к другу в комнату стучаться? — предложила я, подумав, что этим можно избежать множества не особо приятных ситуаций.

— Разумно, — кивнул Рик. — У меня к тебе несколько правил: домой к десяти, половина одиннадцатого крайний срок. Если ты остаешься у какой-то подруги, я должен знать об этом. И, конечно, никаких парней и вечеринок дома.

Между нами говоря, если я захочу нарушить эти правила, ты вряд ли об этом узнаешь. Уж выбраться незамеченной из дома

мне точно до сих пор ничего не стоит. С другой стороны, мне это незачем. Больше незачем.

— Разумно, — согласно кивнула я. — Но на выходные комендантский час, если что, не распространяется, учитывая, что я буду вести уход за домом.

Не стоит уступать так быстро и на все соглашаться. Так можно добиться того, что спрашивать не будут вовсе. Осознание подобных нюансов у меня в крови, ничего не поделаешь.

— Договорились, — согласился Рик. — Вот еще что. Учитывая мой график работы, ты не боишься оставаться одна?

Я посмотрела на него как на человека, собравшегося есть пенопласт:

— Мне семнадцать. Я уже достаточно взрослая, чтобы оставаться дома без надзора.

— Виктория, здесь не столица. Сразу за нашим домом начинается лес, это не то, к чему ты привыкла.

Ну да, конечно. Ты ничего не знаешь обо мне, Рик.

— Все в порядке, — отмахнулась я. — Буду запираť двери и окна, и никакой койот не проберется.

— На всякий случай бейсбольная бита в моей комнате, в шкафу, и еще одна в кладовке, — не отступил дядя. — Завтра я принесу тебе перцовый баллончик. У нас тихий городок, но все же так мне будет спокойнее.

— Ладно, — капитулировала я, признавая, что в этом есть толк.

Разобравшись с посудой и оставив Рика за просмотром какого-то интеллектуального шоу, я вышла из дома, на ходу распутывая наушники. Честное слово, проблемы с морскими узлами в проводах давно нужно зарегистрировать самой распространенной проблемой подростков и считать отдельной поправкой закона подлости.

Остановившись за оградой, посмотрела по сторонам, думая, куда лучше пойти. Логика и память подсказывали, что нужно идти вверх по улице. Такие маленькие городки построены по подобию нарисованного ребенком солнца. Круг — центр с площадью и расходящиеся от него лучи улиц.

В общем, осмотревшись как следует, я двинулась вверх, обходя лужи и держась подальше от дороги. Не хватало еще, чтобы проезжающие мимо редкие машины наградили меня грязными брызгами.

Подпевая любимым исполнителям и минуя последствия вчерашней непогоды, я запоминала, что где находится, и раскла-

дывала про себя на полезное, нужное и негодное. Например, обувная мастерская угодила в категорию «полезное», а аптека, кондитерская и пекарня, из которой, к слову, изумительно пахло свежими булочками, попали в «нужное». Про себя я решила, что зайду туда на обратном пути.

Как и ожидалось, «луч» вывел на площадь с маленьким фонтанчиком и сквером с изогнутыми лавками и коваными старинными фонарными столбами. Центр города, конечно, самое место для романтики. Практически под окнами четырехэтажного здания мэрии и полицейского участка.

Перейдя дорогу (страшно сказать, с оживленным движением! И даже светофором), уткнулась в практически прилепленные друг к другу парикмахерскую, магазин женской одежды и обувной бутик. Наверное, их можно посещать только все вместе, причем в той последовательности, как я перечислила. Больше всего удивило слово «бутик» и отсутствие в этой линии магазина аксессуаров и свадебного салона. Первого не было и в помине, а вот второй отыскался на противоположной стороне.

Спускаясь под горку по следующей улице, отметила больницу (полезное) и детский сад (негодное). Значит, где-то рядом должна быть школа. Она обнаружилась в конце улицы в виде бестолково нагроможденных одноэтажек, разбросанных по обширной территории. Видимо, корпуса. Прелестно. Тошнит от одного вида.

Скривившись, быстро обошла место будущего заключения вдов низенького зеленого заборчика и свернула влево.

Вот и нормальный продуктовый наконец-то, а не скудные лавчонки, как на площади. Рядом с ним возвышался магазин электроники, напротив расположились пиццерия и еще одна аптека, на вид посolidнее той, что на моей улице. А дальше...

Вау. Неожиданно.

Огромная вывеска в виде потягивающегося полосатого кота с желтыми глазами смотрелась в обшарпанном городишке оригинально. «Пушистая Братва» — гордо гласили буквы, прикрепленные вдоль хребта кота.

Перечитав, я приснула, чуть согнувшись. Если у прохожих и были какие-то сомнения относительно моей нормальности, то вторая волна смеха точно их снесла. Пушистая братва... Хвостатая мафия...

Ну надо же. Зоомагазин в этом сонном царстве. Хотя быть жителем Вэндскопа — это еще не приговор. Это диагноз...

Снова захихикав, вытерла выступившие слезы и принялась искать выпавший наушник.

— Девушка! Девушка, вам плохо?

Выпрямившись, я увидела прямо перед собой стоявшую на пороге этого самого магазина рыжую девушку лет двадцати в зеленой жилетке с черной фигурой потягивающегося кота на левой груди, совсем как на вывеске. Продавщица, видимо.

— Нет, мне очень хорошо, — фыркнула я, продолжая оглядывать незнакомку.

Это, конечно, невежливо, но уж больно интересной она была.

Чуть пониже меня ростом, пропорционально сложенная, с густой копной рыжих, похожих на пламя волос, собранных в хвост, зелеными, как ее жилетка, глазами, остреньким носиком и дружелюбной улыбкой, она напоминала маленького озорного бесенка.

В общем, понесло тебя, Брендон, тормози.

— Заходи к нам! У тебя ведь нет питомца? — жизнерадостно спросила «бесенок».

— Э... — Я сегодня блещу красноречием. — А как вы узнали?

Девушка пожалала плечами и снова улыбнулась:

— Опыт. Ну так?..

А почему бы, собственно говоря, и нет? Деньги есть, место для мохнатого тоже, тем более Рика часто нет дома, и мне не на что будет переключиться...

— Пожалуй, зайду, — выдала я ответ, вырубая плеер.

Внутри оказалось светло, тепло и пахло свежестью леса. В дальнем углу, за прилавком, стоял высокий смуглый парень в таком же зеленом жилете. За спиной у него возвышался огромный стеллаж с кормами, лекарствами, ошейниками и всякой всячиной для домашних питомцев. Под потолком висели клетки с попугаями, у стен под специальными лампами стояли три огромных аквариума с самыми разными пестрыми рыбками. Напротив них, возле витрин, в которые заглядывали солнечные лучи, расположились клетки с хомячками, морскими свинками, хорьками, вольтеры со щенками и корзинками с котятами.

— Джей, куда ты положила корм для волнистых? — Парень за прилавком оторвался от какой-то книги и посмотрел на нас.

— В подсобке на верхней полке, Макс, — звонко чирикнула моя сопровождающая.

— И не поленилась же допрыгнуть... — ухмыльнулся он, намекая на рост коллеги.

Вместо ответа Джей показала ему язык и снова поверну-

лась ко мне. По тому, как улыбнулся за ее спиной Макс и как вспыхнули глаза девушки, не составило труда понять, что они парочка.

— Ну так... — начала было говорить Джей, но внезапно хлопнула себя по лбу, что смотрелось комично. — Ой, прости, я не представилась! Я — Джеда Бриар, для друзей Джей, продавец и глава всей ПушБра, а ты? Просто я тут всех знаю, если не лично, то хотя бы заочно, а тебя вижу в первый раз...

Убиться об стену! Какое же здесь количество населения, если она знает всех? Проклятые маленькие городки... Чем меньше город, тем больше водоем сплетен. Черт...

— Мм... Я Виктория Брендон, для друзей Ри. Переехала вчера к дяде... Рику Фоксу.

— Фокс? — Она нахмурилась, словно пробуя имя на вкус, но потом просветлела. — Владелец автозаправки у черты города, да?

— Угу, — промычала я, представляя, как весь город шептался о трагичной кончине моих родителей.

— Эй, я слышала о тебе, — подмигнула глава ПушБра.

— Откуда? — Я моргнула, облизнув тут же пересохшие губы.

— Миссис Болл, преподавательница испанского, упоминала, что на следующей неделе в школе появится новенькая, когда покупала корм своей кошке.

— А-а-а... — На меня разом накатило облегчение.

— Так что все тебя ждут, — хихикнула Джеда.

— О да... Я несказанно этому рада. — Если бы сарказмом можно было бы лечить, то в эту минуту я вытянула бы со смертного одра как минимум нескольких людей.

— Да ладно, школа — это не так плохо, — отмахнулась девушка.

— Скучно, нудно, долго, — безапелляционно заявила я.

— Сдаюсь, — засмеялась Джей. — Но есть бонус...

— В качестве моральной компенсации за ущерб психики? — ехидно поинтересовалась я.

— Именно так, — серьезно кивнула Бриар.

— И в чем же бонус заключается?

— В красивых парнях, — хмыкнула Джеда.

— Неужели они здесь водятся? — Я округлила глаза.

— Не поверишь, но пара-тройка есть, — доверительно шепнула собеседница. — Мой кузен, например.

— Сватаешь? — хохотнула я, убеждаясь, что Джей нравится мне все больше и больше.

— Если бы... Этот идиот уперт, как стадо ослов! — Она вдруг

закусила губу и деловито спросила: — Так ты у нас кошатница, собачница или птичница?

Задумавшись на пару секунд, уверенно отрекомендовалась кошатницей. Джей подвела меня к корзинкам с котятками и, пока я присматривалась, отвечала на мои вопросы и рассказывала о себе.

Оказалось, что в Вэндскоп она с семьей переехала четыре года назад из какого-то городка, напоминающего этот. Ее родители усыновили Макса, когда тому было два, а через год родилась она. Когда им обоим еще не было двенадцати, родители погибли, и их забрали к себе дядя по матери Натан и его жена Софи. С их родными детьми Эрелл и Драгоном (ну и имечко!) мне предстояло встретиться в школе. На сбережения, оставленные родителями, и при поддержке Софи и Натана, державших в городе ветеринарную клинику, Макс и Джеда открыли «Пушистую Братву».

— Вы, наверное, обожаете животных, — улыбнулась я, наблюдая за серенькой непоседой с белой грудкой и такими же носочками.

— Всей семьей в Гринписе, — подтвердила Джей. — Смотрю, кое-кто уже приглянулся тебе?

— Ага, — кивнула я. — Вон та...

В этот момент в магазин зашли две парочки подростков, возможно, даже моих ровесников, и следом за ними практически влетела женщина в малиновом плаще. От этого цвета у меня сразу же зарябило в глазах, да и у Джеды, по-моему, тоже.

— Извини, — шепнула она, смело направляясь к «малиновой».

Едва взглянув на лицо дамы, я поняла, что сейчас будет скандал, и поспешно вставила наушники, врубая музыку на всю. Вместо бесплатного цирка за спиной я предпочла наблюдать за серенькой, придумывая, как назову ее.

Может, ты ее угомонишь уже, а? О позор из всех позоров рода? Что???

Я поперхнулась от неожиданности и тут же стала озираться, стараясь понять, откуда вещает эта язва и почему музыка ее не заглушила.

Откуда надо, оттуда и вещаю, мисс «я-Самая-Большая-Печалька-На-Свете».

Вот ведь. Я все-таки сошла с ума. Кажется, разговариваю сама с собой.

Да нет. Это просто я, твоя совесть, устала молчать!

Э-э-э... А ты у меня была?

Вопрос века, — фыркнула «совесть» в ответ. — *Давай, прерывай соло этой иконы антистиля, покупай серую малявку, и пошли домой, дочь.*

У меня раздвоение личности. Дожила.

Повернувшись, я увидела, что дело набирает обороты, учитывая, что за спиной Джеды уже нарисовался Макс и недобро смотрел на скандалистку, цветом лица сравнивавшуюся с собственным пальто.

— Нет, это вы послушайте! Я требую, чтобы вы вернули мне деньги за корм! И нечего ссылаться на ваших тетку с дядькой!..

Прослушав тираду до конца, я поняла, что она думает: от корма, который посоветовала Джей, у ее собаки выступила сыпь, и обращаться к ветеринарам она не желает, потому как «чокнутая семейка» скажет что угодно, лишь бы прикрыть Джеду и « всю ее шарашкину контору ».

Пока дама набирала воздуха для очередных излияний, я подошла к ней и осторожно постучала пальцем по спине, привлекая внимание. «Малиновое чудо» повернулось на каблуках так резко, что ее шляпка с бантиком едва не слетела с головы.

Хм. Не такая уж она и молодая. Лет сорок пять, скорее всего.

Пока она, так же сверху вниз, рассматривала меня, я воспользовалась паузой:

— Мэм, там, через дорогу, аптека. Уверена, у них в ассортименте есть успокоительное. Рекомендую.

Цвет лица переплюнул плащ, щеки раздулись так, что всем хомякам в округе стало завидно, и вдобавок я начала беспокоиться за ее челюсть, как бы с пола собирать не пришлось.

— Ты... — выдохнула она мне в лицо овсяной кашей и противной травяной зубной пастой, по сравнению с ароматами которых средство от насекомых казалось духами. — Фамилия!

— Брендон, — спокойно поведала я, смотря в ее выпученные глаза-бусины.

— Дочь Мари Брендон и Альберта Фокса? — процедила она. — Несомненно. Такая же выскочка, как мать, и хамка, как отец. Ну, я это так не оставляю...

Окинув всех присутствующих гневным взглядом, малиновый плащ вылетела за дверь и вскоре скрылась за углом.

Джеда первой не выдержала тишины и прыснула:

— Ри, ты только что лишила себя аттестата. Малиновое недоразумение — твоя преподавательница по тригонометрии.

Ой как здорово...

— Значит, принесу ей успокоительное сама, — пожала я плечами, что стало последней каплей.

Наверное, наш хохот был слышен всему городу. Мы с Джей согнулись пополам, Макс залег на прилавок и, отсмеявшись, протянул мне руку:

— Макс Бриар.

— Виктория Брендон, но вы зовите меня просто Ри, — улыбнулась я, пожимая крепкую теплую ладонь.

— В понедельник о твоём подвиге будет знать вся школа. — Джеда кивнула на подростков, выходящих из магазина.

— Экстаз, — закатила я глаза, вызывая хихиканье парочки.

Через час (меня задержали на чай) я направлялась домой с сумкой-переноской в одной руке и пакетом с книгой по уходу, лекарствами и игрушками в другой. Маленькая ворчунья сразу же признала меня и спокойно, без шипения, сидела на руках, пока мы с Джедой подбирали ей ошейник, а сейчас лежала, подобрав лапки под себя и смотря на улицу через решетку.

Обратная дорога заняла меньше времени, несмотря на то что я заходила в нужные магазины и стояла в маленьких очередях, в которых кто-нибудь да порывался заговорить.

Я быстро расплачивалась, сгребала покупки в предусмотрительно взятый рюкзак и поспешно сбегала, пока меня не начинали спрашивать еще о чем-нибудь.

Только дома, раскладывая купленное по местам, поняла, отчего так болят щеки и кожа вокруг рта. Сегодня я впервые за долгое время улыбалась и смеялась по-настоящему.

ГЛАВА 3

Понедельник — день тяжелый. Эту правдивую до неприличия аксиому я пробубнила себе под нос, выходя из дома порядком раздраженной.

Во-первых, погода. Свинцовые тяжелые тучи, навевающие дрему, мелкая противная морось и, в довершение, холодный ветер, дующий в спину. Во-вторых, необходимость выбраться из-под урчащей Ханы (серая непогода быстро покорила Рика и освоилась в доме) и теплого одеяла в половине восьмого. И в-третьих, идти в такую рань под аккомпанемент стука собственных зубов в школу, где, несомненно, ожидает часа своей страшной мести «малиновое чудо».

Только я могла найти себе проблемы там, где еще ни разу не была. Рекорд, однако.

С досады, пнув первый попавшийся камушек, спрятала подбородок в воротник куртки, злясь, что забыла подзарядить плеер и теперь осталась без музыки на весь учебный день.

Ступив на парковку школы, тяжело вздохнула, не увидев никого у корпусов. Аукнулись десять минут, которые я провалялась после звонка будильника. Подумаешь. При такой-то погоде...

Разглядев на ближайшем здании табличку «Административный корпус», я направилась к нему. Все равно сначала нужно взять расписание. Лавируя между машин (здесь даже была парочка приличных), я притормозила, увидев черный мотоцикл, раскрашенный языками пламени.

— Обалдеть, — выдохнула я.

Да уж, неплохая машинка, — согласилось мое больное подсознание, мучающее меня своими «включениями» все выходные.

Неплохая? Да он идеален! — Я чуть приблизилась, рассматривая мотоцикл от руля до задних фар.

Эй, а как же бла-бла о том, что с прошлой жизнью покончено? Марк бы...

Нет! Я не хочу думать о Марке! Ни о ком из них! — Сжав виски пальцами, я закрыла глаза и начала быстро считать от сорока до одного, изгоняя любые воспоминания, готовые вот-вот всплыть на поверхность.

Рано или поздно, тебе придется подумать обо всех, кого ты бросила.

Заткнись! Я никого не бросала!

Неужели? Может, список зачитать? Ты бросила, оставила их на...

Я сказала: заткнись! — рявкнула я, согнувшись от накатившей тошноты и боли в спине.

Как ни странно, это подействовало. По крайней мере, в ответ ничего не послышалось, значит, мое сумасшедшее «я» решило отдохнуть от порчи моей жизни. Опасаясь поцеловать асфальт, ухватилась за ближайшую опору (сиденье того самого обалденного мотоцикла) и, откинув капюшон, подставила лицо дождю, чтобы смыть выступивший на лбу пот. Так я и сидела, полностью сосредоточившись на дыхании и стараясь больше ни о чем не думать.

— Что-то я не помню, чтобы у моего мотоцикла было такое дополнение, — послышался за спиной насмешливый голос.

— П-простите, — на автомате ответила я, отпуская сиденье и тут же начиная заваливаться.

— Опа, — кто-то поймал меня и придержал за плечи. — Прощаю, можно не падать в обморок.

Я вздрогнула, когда на меня нахлынул незнакомый, но ужасно притягательный аромат. Возможно, какое-то дикое растение или специя.

— Угу. — Я прикрыла глаза.

— Что болит? — Теперь голос звучал встревоженно.

— Да просто накатило... слабость, — выдавила я.

— А-а-а... Ясно. Паника из-за статуса новенькой?

— Нет у меня паники, — буркнула я, но тут в спину словно ткнули раскаленной кочергой, и мне не удалось сдержать вскрика.

— Слабость, да? — недоверчиво переспросил парень.

— Да.

Приступ повторился, и на этот раз огонь прокатился от затылка до копчика, а перед глазами замелькали черные точки.

— Эй, новенькая!

— Я тебе не... — Договорить не получилось из-за опустившейся на меня черноты.

Холодно и темно. Ветер скрипел ветвями голых деревьев, возвышающихся надо мной. Я пыталась рассмотреть на небе звезды или луну, но, скорее всего, их заслоняли тучи. Было в этом лесу что-то странное, зловещее, заставляющее нервно оглядываться и ступать как можно тише, впрочем, под ногами все равно хрустели листья.

Неизвестно откуда появился густой молочно-белый туман. Такой плотный, что невозможно было различить ничего дальше метра. Напрягшись, я обратилась в слух, надеясь пусть не увидеть, но хотя бы услышать, если что-то приблизится. И услышала.

Мерзкое шуршание, которое я различила бы где угодно независимо от времени суток или состояния. Такой звук могло издавать только одно существо. Змея.

Едва я подумала об этом, как из тумана, оставляя едва заметные бороздки на листве и огибая выступающие корни деревьев, ко мне со всех сторон поползли змеи. Черные, сверкающие чешуей, тонкие и толстые, короткие и длинные, с раздвоенными языками шипящие твари медленно окружали меня.

Судорожно задышав, я попыталась как-то уйти, убежать от них, но ноги словно приросли. Сердце забилося где-то в горле, во рту пересохло, а кулаки сжались настолько, что ногти впились в кожу и по руке потекли тоненькие струйки крови. Единственное тепло среди всего этого ледяного мрака.

Посмотрев вниз, увидела, как одна из змей обвивает щиколотку и уверенно ползет дальше, сдавливая меня через ткань джинсов. Вскрикнув, попыталась смахнуть ее, но что-то упало мне на голову, и, глянув вверх, я завизжала.

Каждую ветвь дерева обвивали змеи, все вокруг кишело ими, и, словно по сигналу, все твари одновременно зашипели и бросились на меня...

— Виктория! Ну ты и брыкаешься! Открой глаза, это всего лишь кошмар.

Заморгал от неожиданно появившегося вокруг света, я попыталась сфокусироваться на окружающей меня обстановке. Белые стены, противного зеленого цвета кафель, пара плакатов, весы, стеклянный шкаф, забитый всякой всячиной, и этот стерильный запах, характерный только для больниц. Никакого леса и змей.

— Я в медпункте, — констатировала я, переводя взгляд вперед и параллельно отмечая тупую ноющую боль в спине, все еще колотящееся после кошмара сердце и еще пару пикантных вещей. Например, свое колено, упирающееся в чью-то грудь. В чью-то мужскую затянутую в черную майку грудь. Ой.

— Поразительная догадливость, — хмыкнул незнакомец.

Его мускулистые руки лежали на моих плечах, удерживая. Вспоминая услышанное по пробуждению, я поняла, что он пытался остановить мои вызванные кошмаром брыкания. Черт, я думала, при обмороке не бывает видений.

Скользнув взглядом по смуглой руке с четко очерченными бицепсами, я изо всех сил прикусила щеку, чтобы не раскрыть рот как последняя идиотка, когда мои глаза нашли его.

Кроме приятного аромата и низкого хриплого, почти что бархатного голоса парень был неприлично красив. И, говоря «неприлично», я именно это и имею в виду.

Резкие черты лица, волевой подбородок и прямой нос заставляли забыть такое слово, как «смазливость». Мягкие на вид губы так и требовали проверить это касанием, но все внимание перетянули на себя глаза. Янтарные.

Я понимала, что такого цвета быть не может, но никак иначе определить не могла. Не светло-карий или какой-нибудь се-

ро-зеленый, а именно теплый золотистый цвет. Интересно, солнечные лучи усиливают этот эффект?

В довершение ко всему на высокий лоб падали все еще влажные темные пряди волос, которые, к моей зависти, не завивались. Прямые волосы доходили до середины шеи, и был заметен легкий каскад. Надо же, какая стильная стрижка.

И обладатель всего это по-прежнему держит меня, нависая сверху.

— Виктория? — похоже, звал он уже не в первый раз. По крайней мере, у меня было хорошее оправдание, почему я не услышала парня раньше. Однако я скорее бы откусила себе язык, чем высказала что-то о его парализующей хищной красоте.

— Откуда ты знаешь мое имя? — пересохшими губами спросила я. — И ты не мог бы убрать свои руки, я даже на первом свидании не знакомлюсь так близко, — выпалила я, сразу же понимая, что несу бред. Он застал меня врасплох! Еще одно оправдание отправляется в коллекцию «непроизносимых».

Парень широко улыбнулся, давая мне увидеть белоснежные зубы и милую ямочку на щеке. Хотя «мило» никак не сочеталось со всем его обликом. Скорее, подойдут такие слова, как «экзотично», «дико» и «опасно», чем «мило».

— Ты новенькая, тебя все знают, — спокойно ответил он, отстраняясь. — Я учту твои предпочтения относительно дистанции на первом свидании.

Что?

— Успокойся, это тебе все равно не пригодится. — Я закатила глаза, тем самым разрывая зрительный контакт.

Он хотел сказать что-то еще, но помешала отворившаяся дверь кабинета и появление на пороге седовласой женщины лет пятидесяти в белом халате и со стетоскопом на шее.

— Юноша, покиньте помещение, — строго посмотрела она на мою «скорую помощь».

Парень подмигнул мне, подхватил кожаную мотоциклетную куртку, которая, оказывается, лежала в моих ногах на кушетке, и вышел.

Кроме всего прочего, он еще и высок! И определенно знает, как себя подать. По крайней мере, стиль «плохого мальчика» ему безумно шел... Так, стоп.

— Добрый день, мисс Брендон. Меня зовут доктор Эндрис. Давайте-ка осмотрим тебя.

На меня обрушился град вопросов о моем самочувствии, пи-

тании, сне, болезнях. После блицопроса мне измерили давление и температуру и проверили реакцию зрачков на свет.

— Хорошо, Виктория, а теперь снимай верхнюю одежду, я тебя послушаю. — Доктор показательно постукала пальцами по стетоскопу.

— Не нужно, у меня все в порядке, — выпалила я, стиснув пальцами подол футболки.

— Давай-давай. Чем быстрее тебя осмотрим, тем быстрее я отпущу тебя домой.

— Домой? — удивилась я.

— А ты думала, после обморока тебя на уроки отправят? — поджала губы Эндрис. — Я жду.

Поморщившись, я стянула футболку и далее следовала командам «дыши — не дыши», ожидая, когда она попросит вернуться.

— Спинкой, дорогая, — улыбнулась доктор.

Тяжело вздохнув, перекинула волосы вперед и сделала, как она велела. После короткого вдоха, полного, как я догадывалась, ужаса и отвращения, захотелось сжаться до крохотной точки или стать невидимой.

— Что с тобой произошло, деточка? — пролепетала Эндрис.

— Автокатастрофа, — натянуто ответила я, думая, когда уже смогу спрятать длинные уродливые шрамы, протянувшиеся от шеи до копчика. Хотя шрамы — это неточное определение. Рубцы, пожалуй, вернее.

Я знала, что сейчас они побелели и представляли собой шершавые выпуклые полосы, местами все еще багровые и словно напоминающие червячков, ползающих у меня под кожей.

Ну конечно же автокатастрофа, — насмешливо фыркнула снова пробудившаяся ненормальная часть меня.

Свали из моей головы, — зло процедила я. — *Это вообще все из-за тебя!*

Из-за меня? — поперхнулась эта психованная. — *Нет, дорогуша, это ты нас в это втравила, это тебе пришло в голову переехать сюда, отказавшись от всех и всего...*

Пошла вон! Я не хочу больше слышать обо всех и всём!

Усилием воли я вымела ее голос из своего сознания и тяжело задышала.

— Да, я слышала о твоей матери... Соболезную.

— Спасибо, — пусто поблагодарила я, приходя в себя. — Могу я уже одеться?

— Да-да, конечно. Я выпишу тебе справку на сегодня. Думаю,

у тебя обычное переутомление, что совершенно не удивительно в твоей ситуации. Придешь домой — поспи...

Все дальнейшие советы я пропустила мимо ушей, думая о том, как чудесно начался и завершился мой первый учебный день.

Один обморок, один кошмар, один красивый наглый парень, два разговора с собой и ноль нормальности во всем. Ну разве что доктор Эндрис. Надеюсь, она не болтает о своих пациентах. Не хватало еще, чтобы о моих уродствах знал весь город.

Получив справку и натянув куртку, я закинула свой рюкзак за плечо и вышла за дверь, тут же оказавшись в коридоре, судя по плакатам, шкафчикам и доносящимся голосам — школьном.

— Как дела?

Обернувшись, увидела свою «скорую помощь», лениво поигрывающую ключами от мотоцикла. Янтарные глаза изучающе прошлись по мне, словно незнакомец пытался сам ответить на свой вопрос.

— Лучше не бывает, мистер Аноним, — язвительно ответила я, намекая на то, что не знаю его имени.

Поравнявшись со мной, парень чуть улыбнулся и протянул руку:

— Драгон Бриар.

— Виктория Брендон.

— Приятно познакомиться, — хором сказали мы, после чего одинаково усмехнулись.

— Стой-ка, ты брат Джеды и Макса? — дошло до меня.

— Ага. Слышал, ты взяла себе кошку?

— Да, я люблю кошек, — тупо ответила я, не в состоянии выкинуть, что здесь всем про всех все известно.

Драгон как-то странно посмотрел на меня, а потом указал подбородком вперед:

— Нам туда.

— Нам?

— Ну да. Я тебя провожу, а то вдруг еще раз упадешь где-нибудь на проезжей части.

— Не нужно, — покачала я головой, направляясь туда, куда он указал.

— Нужно, — поравнялся со мною Бриар. — Распоряжение администрации школы.

— Что?

— А ты думала, откуда здесь доктор Эндрис? Ее вызвали из больницы. И еще... — Драгон закусил губу, но в глазах я не уви-

дела ни капли раскаяния. — Я пронес тебя через этот коридор во время перемены.

— Экстаз! — запнулась я на ровном месте. — Теперь я не просто новенькая, а новенькая, хлопнувшаяся в обморок! Ненавижу маленькие города!

— Забей, — скосил на меня глаза Драгон, изогнув бровь. — Я тоже был новеньким, так что поверь, чем быстрее ты наплюешь на это, тем лучше. А по поводу обморока... Скажем, что ты излишне впечатлительна и не смогла сдержать восторгов, увидев мой мотоцикл.

Я хмуро посмотрела на Бриара:

— Не смогла сдержать восторгов — это кое-что другое, а не обморок.

Мы переглянулись. Смешок, еще один, а потом меня просто согнуло от хохота. У него оказался очень приятный смех. Не громкий, не крикливый и привлекающий к себе внимание, а какой-то уютный, домашний, теплый.

Так, стоп. Теплый смех? Докатилась...

— Слушай, а как ты меня нашел? Ты же должен был быть на уроке, нет?

Драгон хитро посмотрел на меня:

— Первой была тригонометрия. Мы с мисс Прюэт не сошлись во мнениях, и я ушел с урока.

— Читай, тебя выгнали? — усмехнулась я, следуя за ним между машинами.

— Вот еще, — фыркнул он, расправив плечи. — Я сам всегда решаю, что мне делать.

Нет, я знала, что понедельник — день невезухи, но чтобы настолько? Еще и предмет, который вела «малиновое чудо», был первым!

— Это она к тебе из-за Джеды придирается, да? — вспомнила я свой визит в «Пушистую Братву».

— Это она ко мне по жизни придирается, — пожал плечами Драгон.

— Потеснись на пьедестале любимчиков, — хихикнула я. — Готова поспорить, я теперь у нее цель номер один.

— Наслышан. Ты что, правда посоветовала ей успокоительное?

— Мне показалось, она перенервничала, — поморщилась я, а Бриар снова засмеялся.

— Я думал, Джей преувеличила. Готова прокатиться на мотоцикле?

— Да, — улыбнулась я и вскочила на сиденье еще раньше, чем он обернулся. Кажется, это произвело на него впечатление.

После всего произошедшего проблемы у меня возникали только с машинами. Вспомнив поездку с Риком до города, тошноту и будто давящие со всех сторон стены, я содрогнулась.

Снова приподняв бровь (держу пари, это его особая фишка), Бриар протянул мне шлем, висящий до этого на руле.

— А ты? — удивилась я, не увидев второго.

— У меня только один, и тебе он нужнее. Поверь. — Драгон подмигнул, наблюдая, как я напяливаю разукрашенную, как и мотоцикл, каску.

Я почему-то поверила. Уж больно уверенным он выглядел, да и весь этот брутальный образ...

Брендон, заткнись. Никаких романов. Окончить школу, получить аттестат, уехать подальше. Простой план, вот его и придерживайся.

Тем временем Бриар завел мотоцикл с одного движения, изящно, насколько это вообще было возможно, сел и обернулся:

— Держись крепко.

Я посмотрела вниз и, не увидев поручня, оторопело уставилась на него:

— За тебя?

— Ну не за себя же? — закатил он глаза.

Чувствуя, что краснею, я неуверенно обняла его за пояс, сразу же ощущая под пальцами ткань майки (застегнуть куртку Бриар не удосужился), а затем тепло его тела вместе с твердыми мышцами подкачанного брюшного пресса. Точнее, жар, будто к печи прикоснулась.

— У тебя нет температуры? — перекричала я мотор.

— Просто я горяч, — ответил Драгон, и я порадовалась, что парень отвернулся и не видит румянца, вызванного двусмысленностью его фразы и залившего мои щеки.

До моего дома мы добрались минуты за три. Драгон вел быстро, явно превышая скорость, однако соблюдая все остальные правила дорожного движения. Я даже не стала спрашивать, откуда Бриар знает мой адрес. Чертовы маленькие городки.

Заглушив мотор у тротуара напротив, парень выставил подножку, и я неохотно слезла. Хотелось покататься еще.

А может, просто еще крепко подержаться за него? — ехидно заметило мое больное подсознание.

Сглотнув, я не нашлась с ответом, прекрасно зная, что в чем-то оно право.

Протянув владельцу шлем, сунула тут же замерзшие руки в карманы куртки и неуверенно переступила с ноги на ногу, не зная, как поступить. С одной стороны, можно было бы пригласить его на чай и впервые за долгое время поболтать с ровесником. Да, неплохой вариант, если бы он был девушкой. С другой — Бриар может расценить сие как нечто этакое, да и чего греха таить, я тоже.

Дилемму разрешил сам Драгон:

— Ладно, выздоравливай, я обратно в школу. У меня еще литература и сестру нужно домой отвезти.

Это звучало как оправдание, и я поняла, что ему самому не особо хочется уезжать. Облегченно вздохнув, выдавила улыбку, скрывая огорчение, неизвестно как и откуда появившееся.

Очень даже известно как и откуда, — откровенно развеселилось мое второе «я».

Тяжело вздохнув, я решила, что впредь буду игнорировать подобные выпады. Тогда ей надоест, и она отстанет.

Ага, мечтай. Ты не забыла, что я твоя совесть?

— Хорошо. Драгон... спасибо, что подвез и вообще помог, — искренне поблагодарила я, встречаясь взглядом с его необычными янтарными глазами. — Драгон — это «дракон», верно?

— Не за что, — кивнул парень. — Да, дракон. Родительская причуда. Зови меня просто Драг.

— А ты меня Ри.

— Договорились. До завтра.

— До завтра. Наверное. Может, завтра я поставлю рекорд и даже не успею ступить на территорию школы.

Он засмеялся, нацепил шлем и, заведя мотоцикл, уехал, быстро скрывшись за поворотом.

Развернувшись, я почти бегом направилась домой и только в прихожей, закрыв дверь на все замки, устало съехала вниз по стене.

Спина снова заныла, но к такой тупой боли я была привычна, поэтому просто отмахнулась от нее, понимая, что лекарства здесь не помогут.

А вот если бы ты не ушла...

А вот если бы ты заткнулась...

Да, план с игнорированием выгорел. Удивительно. Я умудрялась бесить саму себя одной фразой. Сунув руку в карман куртки, наткнулась на мобильный. Это стало знаком позвонить Рику. В очередной раз убедившись, что в таких городках, как Вэндскоп, ничего не скроешь, я решила сама рассказать дяде о

своём первом «обморочном» дне в школе, пока этого не сделал кто-нибудь другой.

Конечно, он тут же засыпал меня вопросами о моем нынешнем самочувствии и предложил приехать, «присмотреть» за мной. Поскольку мы оба плохо представляли себе, как это будет, мне не составило особого труда уговорить его оставаться на работе. Я пообещала, что просто лягу спать и в его присутствии нет необходимости.

Отключившись, я встала с пола, повесила куртку на крючок, разулась и, устало топая, поднялась в комнату.

Здесь ничего не изменилось. Так и не собранная в утренней спешке постель, Хана, свернувшаяся крохотным клубочком среди одеяла, разбросанная одежда... Убирать все это было лениво, поэтому я просто разделась и нырнула в кровать, собираясь воспользоваться единственным услышанным советом доктора Эндрис.

Угу. Спать она собралась. А подумать ни о чем не хочешь, нет?

Например? — непонимающе пробормотала я.

Позор из всех позоров... Все еще хуже, чем я думала!

Может, объяснишься? — разозлилась я.

Нет уж, подожду, пока до тебя самой дойдет... Это надо же...

Бревно в глазу не заметить...

Что я могла не заметить? — встревоженно спросила я. — Кто-то из... них здесь?

Нет, это я сказала бы тебе сразу, да еще бы скорости придала.

Чуть успокоившись, перевернулась и обняла подушку руками. Мне только загадок, подбрасываемых подсознанием, не хватало.

Как всегда, оставшись наедине с собой, я не смогла убежать от мыслей о прошлой жизни, как ни старалась и ни зарекалась.

Почему-то хотелось с головой спрятаться под одеяло и провалиться в бесконечное забытие. Любая мысль о той, другой жизни отзывалась тупой ноющей болью, и от нее отмахнуться, как от физической, не получалось.

Те, кто говорит, что время лечит, — жестоко ошибаются. По-настоящему исцеляет только потеря памяти. И я не знаю оружия или пытки страшнее, чем воспоминания. Хорошие или плохие, в свой, особый, момент ранить может каждое.